Международные процессы, Том 17, № 4 (59), сс. 135–152
DOI 10.17994/IT.2019.17.4.59.8

ХОЛОДНО — О ГОРЯЧЕМ
Дискуссии

СТАМБУЛЬСКИЙ ПРОЦЕСС ПО АФГАНИСТАНУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИЙ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

КСЕНИЯ ИШБУЛДИНА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Затяжной конфликт в Афганистане оказал влияние на жизнь всего региона: отмечается рост угрозы экстремизма и терроризма, увеличивается масштаб наркотрафика и торговли оружием, обостряются афгано-пакистанские пограничные проблемы. Силовое воздействие на конфликт не принесло желаемого результата. Коалиционные войска НАТО не сумели восстановить мир в Афганистане. На этом фоне всё больше внимания уделяется региональным подходам к урегулированию афганского конфликта. В 2011 г. был запущен Стамбульский процесс, направленный на активизацию взаимодействия Афганистана с широким кругом игроков в Евразии. Данный формат призван играть значительную роль в укреплении взаимодействия между странами-участницами, синхронизации усилий Кабула и международного сообщества на пути к региональной стабильности в «сердце Азии». Цель настоящей статьи – оценить международно-политическое значение Стамбульского процесса в контексте имеющихся теоретических подходов к урегулированию конфликтов. Опираясь на работы У. Зартмана и других специалистов, автор приходит к выводу, что затяжной характер конфликта в Афганистане определяется его пребыванием в состоянии мягкого, стабильного, самоподдерживающегося тупика. Несмотря на то что растёт неудовлетворённость непосредственно вовлечённых сторон сложившимся положением, а соответственно, и их готовность к конструктивному диалогу и болезненным уступкам, сохраняющиеся противоречия, в том числе между внешними игроками, стремящимися выступать в качестве посредников, осложняют достижение компромисса. Кроме того, в процессе мирного урегулирования наблюдается дефицит лидерства. На этом фоне развитие взаимодействия в рамках Стамбульского процесса позволило создать площадку для координации Афганистана и его соседей по вопросам безопасности и социально-экономического сотрудничества. Форум содействовал реализации ряда значимых инфраструктурных проектов. В то же время он не смог занять место центральной площадки урегулирования конфликта в Афганистане. Более того, с течением времени наблюдается снижение заинтересованности в развитии Стамбульского процесса даже его инициаторов.

Ключевые слова:

Афганистан; урегулирование конфликтов; Стамбульский процесс; сердце Азии; зрелость конфликта; региональное сотрудничество.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.12.2018
Дата принятия к публикации: 03.12.2019

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: kseniya.ishbuldina@mail.ru

Пакистанский поэт Аллама Мухаммад Икбал называл Афганистан «сердцем Азии». Он указывал на уникальность географического положения этой страны, выступающей мостом между Индостаном и Центральной Азией, Китаем и Ближним Востоком. Между тем многолетние вооружённые конфликты превратили Афганистан из цивилизационного, религиозного, коммерческого центра в место отчуждения. В терминологии Копенгагенской школы исследований международной безопасности он предстаёт в роли государства-«инсулятора». Вместо того чтобы соединять соседние разнородные пространства, Афганистан работает на их разъединение, порождая угрозы для соседей [Buzan, Waever 2003: 110].

В значительной степени наблюдаемая на протяжении уже нескольких десятилетий нестабильность обусловлена внутренними характеристиками страны, её племенными, этническими, хозяйственными особенностями. В этой связи А. Армстронг и Б.Р. Рубин указывают, что трансграничные социальные связи между различными этническими и религиозными группами порождают сети вооружённых формирований, незаконной торговли, производства наркотиков, вовлекающих Афганистан в череду непрекращающихся конфликтов [Rubin 2003: 31].

В то же время для возвращения страны в русло мирного развития и построения устойчивой региональной архитектуры требуются усилия внешних игроков, в том числе на основе многосторонней координации и взаимодействия. Настоящая статья призвана оценить возможные последствия объединения для содействия стабильности в Афганистане в рамках одной диалоговой площадки государств, зачастую сохраняющих значительные разногласия. В качестве непосредственного объекта изучения был выбран Стамбульский процесс – инициатива, направленная на создание системы региональной безопасности. Она была призвана снизить дестабилизирующее влияние Афганистана на его соседей, а соседей на Афганистан. В рамках настоящей работы опыт Стамбульского процесса рассматривается в контексте теоретических подходов современных конфликтологов к ситуациям затяжного вооружённого противостояния.

1

Ситуация в Афганистане представляет собой пример затяжного социального конфликта (Protracted Social Conflict, PSC). Этот термин был введён в 1980-х годах Э. Азаром, который связывал возникновение такого рода случаев с отсутствием возможности для удовлетворения основных потребностей общества в рамках сложившейся структуры идентичности [Azar 1985]. Катализаторами развития затяжных конфликтов выступают как низкий уровень развития государственных институтов в стране, так и внешние влияния. В их генезисе важную роль могут играть болезненный исторический опыт (включая колониальное наследие) и неоднородность социума [Azar 1990: 12]. В стране способны возникать мощные общественные силы, опирающиеся на расовую, этническую, религиозную или иные типы идентичности. Противоречия между ними и государственными институтами перерастают в насильственные столкновения.

В научной литературе отсутствует единство в оценках последствий этнической разнородности Афганистана с точки зрения протекающего в нём конфликта. Например, в работах Р.Б. Раиса разворачивающаяся в Афганистане гражданская война связывается, с одной стороны, со стремлением пуштунов восстановить своё традиционное господство, а с другой – с попытками хазарейского, таджикского и узбекского меньшинств получить адекватное политическое представительство в центральной власти и автономию на местах [Rais 1999: 2].

По мнению других авторов, этнические противоречия усугубили конфликт, но его разрастание стало, скорее, следствием гражданской войны, но не её первопричиной. В этой связи Ж. Дорронсорро указывает, что Движение талибов (ДТ), будучи

чуждым племенной структуре афганского общества, умело использовало этническую напряжённость, усталость афганского народа от иностранного присутствия и отсутствие сильной местной власти для вербовки сторонников [Dorronsorro 2009]. Помимо ДТ в Афганистане существовали и другие дестабилизирующие силы. В частности, Исламская партия Афганистана, возглавляемая Г. Хекматьяром, долгое время находилась в оппозиции афганскому правительству и лишь в 2016 г. подписала мирное соглашение с официальным Кабулом[1]. На территории Афганистана действует порядка 20 вооружённых группировок, в том числе ИГИЛ, Хизб ут-Тахрир и другие[2]. Да и внутри ДТ нет единства и сплочённости[3].

С критикой увязывания вооружённого конфликта в Афганистане с этническими противоречиями выступает и А. Джустоцци. Он отмечает, что хотя ДТ представляет собой в основном пуштунское движение, в его ряды вливается и тюркское население, и представители нуристанского меньшинства. Другими словами, ДТ можно рассматривать как организацию, объединяющую представителей различных афганских групп [Giustozzi 2010]. К. Шеттер указывает, что, несмотря на этнизацию конфликта, попытки выстраивания политики на основе этнической идентификации потерпели неудачу. Её способность выступать в качестве основы политической артикуляции и социальной организации остаётся ограниченной [Schetter 2005]. Конфликт в Афганистане не был этническим противостоянием, вызванным исторической непримиримостью. Оно легло на почву лишений и ужасов войны, спровоцировавших то положение, которое Э. Азар и обозначает как затянувшийся конфликт.

На развитие конфликтов, помимо страновых особенностей, влияют глобальные и региональные процессы. Согласно Д. Дессеру, внешние катализаторы – одна из первичных причин внутренних вооружённых конфликтов [Dessler 1994]. Их существенную роль отмечал и Д. Юнг, полагая, что обострение противостояния часто становится непреднамеренным результатом международного вмешательства [Jung 2003: 12]. Одним из индикаторов затяжного социального конфликта, по Э. Азару, оказываются международные связи участников. Конфликтующие стороны ищут поддержку извне, вовлекая в противостояние другие государства и выводя часть своей деятельности за границы страны. Теория затяжных конфликтов не признаёт чётких разграничений между внутренней и внешней средами: они находятся во взаимосвязи и взаимовлиянии.

Афганистан, в силу своего географического положения, традиционно находился в зоне интересов ведущих держав своего времени [The great game in Asia 1926; Rashid 2001]. Вовлечение США после событий 11 сентября 2001 г. в местные процессы дополнительно осложнило ситуацию в этой части мира [Rubin 2017]. Действия возглавляемой Соединёнными Штатами антитеррористической коалиции, а затем и Международных сил содействия безопасности сопровождались значительными потерями среди мирного населения, привели к увеличению потока беженцев и иным негативным гуманитарным последствиям [Коргун 2011].

Попытки создания нового демократического режима, предпринимавшиеся западной коалицией после Боннской конференции 2001 года, способствовали появлению на арене противостояния в Афганистане новых игроков. Пролоббированный американскими дипломатами на пост главы Переходной администрации пуштун Хамид

[1] Ghani, Hekmatyar Sign Peace Agreement. URL: https:// https://tolonews.com/afghanistan/ghani-hekmatyar-sign-peace-agreement (дата обращения: 17.09.2019).

[2] 20 Terrorist Groups Fighting Against Afghan Government. URL: https://tolonews.com/afghanistan/20-terrorist-groups-fighting-against-afghan-government (дата обращения: 28.10.2018).

[3] Пресс-конференция по итогам второго заседания Московского формата консультаций по Афганистану [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LlzQR7CcEFM (дата обращения: 01.12.2018).

Карзай не пользовался поддержкой местной элиты, реальная власть оставалась в руках полевых командиров. Талибы, оправившись от первоначальных поражений, перешли к партизанской войне. Пакистан сохранял влияние на деятельность ДТ, не оставляя попыток использовать союз с талибами в контексте своего противостояния с Индией [Ganguly Howenstein 2009].

С течением времени многие игроки стали всё больше воспринимать присутствие США в Афганистане как угрозу собственным интересам [Rubin 2017]. Нарастание конфликтности грозило перерастанием в трансграничную войну, что представляло угрозу безопасности в регионе. Этот факт подтолкнул американскую администрацию в середине 2000-х годов к пересмотру стратегии в отношении Афганистана и к попыткам наладить политический диалог с талибами [Сушенцов 2014: 137]. Развитие событий с 2001 г. продемонстрировало, что политика военного вмешательства потерпела в Афганистане неудачу. При этом вовлечённость в конфликт широкого круга игроков делает труднореализуемым его урегулирование только путём непосредственных переговоров между афганским правительством и ДТ. Необходимо выстраивание диалога между всеми причастными игроками, в том числе активно вовлечёнными внешними силами.

2

Урегулирование затяжных конфликтов зачастую требует поэтапного подхода. В этой связи ряд специалистов указывает на ограниченные возможности целенаправленного воздействия на их протекание [Druckman Green 1995; Mitchell 1995; Pruitt 2005; Spector 2002; Haass 1990]. Иными словами – не любой конфликт и не в любой момент времени поддаётся урегулированию.

Весомый вклад в теоретическое осмысление возможностей посредничества и иных способов урегулирования политических противоречий внёс американский исследователь У. Зартман. С середины 1980-х годов он опубликовал ряд работ, в которых выявлялся набор критериев, при которых целесообразно инициировать проведение переговоров между сторонами конфликта [Zartman 1985; Zartman 1986; Zartman 2000; Zartman, Touval 1985; Zartman, Aurik 1991]. У. Зартман отмечал, что для успешного разрешения противоречий необходимо выполнение двух условий: осознание тупика, болезненного для обеих сторон, в результате которого противостояние становится невыгодным (mutually hurting stalemate), а также наличие разделяемых сторонами представлений о том, как выйти из сложившейся ситуации (wayout) [Zartman 2000: 228–229].

Возникновение обоих условий связано со специфической и относительно редко встречающейся комбинацией объективных параметров и субъективных оценок. К первым относится, например, соотношение военной мощи и финансовых затрат. В то же время любые объективные обстоятельства проходят через фильтр индивидуальных восприятий картины конфликта, порождающий порой серьёзные искажения [Zartman 2001: 8]. У. Зартман отмечает, что конфликт можно считать созревшим для разрешения и последующих переговоров только в случае понимания тупиковости ситуации, разделяемого всеми сторонами, и возникновения у них готовности к болезненным уступкам. Таким образом, только противостояние, достигшее некоторой степени зрелости, может быть разрешено мирным путём.

Гораздо чаще конфликт находится в состоянии мягкого, стабильного, самоподдерживающегося тупика (soft, stable self-serving stalemate – S5) [Zartman 2006: 259]. В такой ситуации альтернативы нынешнему положению предстают менее предпочтительными для противоборствующих сторон по сравнению с сохранением сложившейся расстановки сил. Соответственно, они не заинтересованы в урегулировании. В условиях мягкого, стабильного, самоподдерживающегося тупика группировки, противостоящие официальной власти, зачастую удерживают контроль над частью территории страны, и это положение устраивает обе стороны.

Теория У. Зартмана не позволяет сделать конкретных предсказаний, когда произойдёт переломный момент в развитии конфликта. Тем не менее с её помощью можно выявить индикаторы наступления ситуации, в которой переговоры могут оказаться плодотворными. В частности, она позволяет оценить степень зрелости конфликта в Афганистане, а также выявить препятствия на пути к его урегулированию.

В данной стране отсутствует сила, способная выиграть войну, лишив других участников способности к противоборству. То же можно сказать о ситуации в регионе в целом. Ни одно государство в окружении Афганистана не является настолько влиятельным, чтобы представить региональную политическую повестку дня, которая обеспечила бы мирное разрешение афганского конфликта. В то же время многие из них достаточно сильны, чтобы сохранять его в законсервированном виде. В этой связи попытки создания площадок для урегулирования сохраняющихся противоречий неизменно оказывались безуспешными.

В частности, не удалось решить проблемы Афганистана в рамках группы «6+1» (Афганистан, Индия, Иран, Китай, Пакистан, Россия и США[4]). Форум в составе президентов России, Афганистана, Пакистана и Таджикистана, получивший название «Душанбинская четвёрка», также прекратил работу после отказа В.В. Путина от запланированной на октябрь 2012 г. встречи в Исламабаде[5]. Попытки реанимировать Четырёхстороннюю координационную группу (ЧКГ), в которую входили Афганистан, Китай, Пакистан и США, в ходе переговоров в октябре 2017 г. в Омане опять же оказались безуспешными [Ишбулдина 2018б].

Вместе с тем в настоящее время положение в Афганистане приобретает черты тупика, болезненного для всех вовлечённых сторон. Об этом свидетельствует интенсификация усилий международных посредников по налаживанию взаимодействия между сторонами, воспринимающими друг друга в качестве оппонентов. Например, в декабре 2017 г. министры иностранных дел Афганистана, Китая и Пакистана провели первый диалог в рамках нового трёхстороннего формата. Через год в Кабуле прошёл второй раунд таких встреч.

Старт переговоров в рамках Московского формата консультаций по Афганистану, инициированного Россией в 2017 г., и опасения афганского руководства упустить ситуацию из-под контроля подтолкнули официальный Кабул (с подачи США) к запуску собственной миротворческой площадки для достижения национального примирения. В результате в июне того же года было проведено первое заседание Кабульского процесса (КП)[6] [Ишбулдина 2018а]. Более того, в ходе Женевской министерской конференции (27–28 ноября 2018) президент Афганистана Ашраф Гани анонсировал формирование Консультативного совета (КС) по вопросам мира, в состав которого вошли представители правящего режима, а также бывшие джихадистские лидеры, что можно рассматривать как дополнительное свидетельство готовности Кабульской администрации искать выход из нынешней ситуации.

Назначение второго заседания Московского формата на сентябрь 2018 г. с приглашением на него руководства ДТ вызвало ревностную реакцию американской стороны. В том же месяце Дональд Трамп назначил опытного дипломата Залмая Халилзада на должность спецпредставителя Государственного департамента США по примирению в Афганистане[7]. Заступив

[4] Региональный консультативный механизм, созданный в феврале 2016 г. для разрешения афганского кризиса. Начиная с 2017 г. заседания в рамках формата не проводились.

[5] *Фененко А.* Переговорные форматы для Афганистана URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1418961540 (дата обращения: 16.05.2019).

[6] Особенность Кабульского процесса в том, что данный формат был запущен и функционирует под руководством и силами самих афганцев.

[7] *Ibrahimi S.S.* Can Russia Help Bring Peace to Afghanistan? URL: https://cic.nyu.edu/news/Can-Russia-Help-Bring-Peace-to-Afghanistan (дата обращения: 17.04.2019).

на свой пост, последний отметил, что все основные силы в Афганистане, в том числе талибы, правительство в Кабуле и Вашингтон ищут пути скорейшего политического урегулирования[8]. При этом специальный представитель Государственного департамента указывал, что цель США – искоренение международного терроризма с тем, чтобы Афганистан более не создавал угроз для безопасности самих Соединённых Штатов. Помимо дипломатических мер воздействия, была усилена военная кампания против боевиков ДТ (достигнув самого высокого уровня с 2014 г.) с целью побудить их сесть за стол переговоров[9].

Попытки политического урегулирования осложняются тем, что между внешними силами продолжается конкуренция за лидерство в посреднических усилиях (за то, кто – США или Россия – возглавит переговорный процесс). Посредничество имеет длительную историю, но с развитием институтов международного сотрудничества его роль возрастает. Это наиболее распространённая форма мирного вмешательства и урегулирования политических споров. Третьи стороны, выступая посредниками, как правило, преследуют и свои интересы (например, обеспечение собственной безопасности, экономическое развитие, расширение сферы влияния).

Оценка результатов международного урегулирования конфликтов связана с серьёзными трудностями. Если обратиться к теории урегулирования конфликтов, то У. Зартман и ряд других исследователей [Touval, Zartman 1985] предлагают приравнивать успех в переговорном процессе и эффективность посредничества достижения результата, учитывая цели, поставленные посредниками [Kleiboer 1996: 362]. Подобный подход игнорирует различия в мотивации посредников. Вместе с тем в исследовании групповых попыток урегулирования конфликта, включающих государства с широкими, иногда взаимоисключающими интересами, в качестве основного критерия стоит рассматривать цель форума и связывать эффективность со степенью её осуществления.

Теоретический подход, разрабатываемый У. Зартманом, не предполагает наличия беспристрастных посредников. Последние всегда преследуют собственные интересы и не способны занимать нейтральную позицию в отношении сторон конфликта. В то же время подобное положение может давать преимущества, поскольку предоставляет предвзятому игроку рычаги воздействия, используемые для урегулирования конфликта [Touval, Zartman 1985: 15]. При групповом посредничестве появляется возможность задействовать ресурсы влияния нескольких внешних игроков на различных внутренних участников для достижения общей поставленной цели. В то же время подобная синергия затруднительна, если интересы как непосредственно вовлечённых сторон, так и посредников антагонистичны друг другу.

Ситуация в Афганистане долгое время рассматривалась как конфликт с нулевой суммой. Предполагалось, что в выигрыше может оказаться либо правительство, либо талибы. Между тем силовое воздействие, предпринятое США, не принесло военной победы. Аналогичным образом попытки талибов постепенно захватить территорию Афганистана в надежде установить свое правление, как это произошло в 1996 году, также не увенчались успехом[10]. В результате афганский узел постепенно трансформировался в конфликт с ненулевой суммой.

В этой связи по итогам второго заседания Кабульского процесса в феврале 2018 г. афганское правительство представило ряд

[8] Despite rising Afghan violence, U.S. 'in a hurry' for peace. URL: https://www.pbs.org/newshour/show/despite-intensifying-violence-in-afghanistan-u-s-is-in-a-hurry-for-peace (дата обращения: 05.12.2018).

[9] Highest recorded number of Afghan civilians killed in 2018, says UN. URL: https://www.france24.com/en/20190224-highest-recorded-number-afghan-civilians-killed-2018-un-report (дата обращения: 06.003.2019).

[10] Taliban Accepts They Cannot Win By Warfare: Khalilzad. URL: https://www.tolonews.com/afghanistan/taliban-accepts-they-cannot-win-warfare-khalilzad (дата обращения: 05.09.2019).

конкретных предложений, направленных на запуск урегулирования конфликта, включая прекращение огня, открытие отделения ДТ в Кабуле, отмену санкций ООН в отношении полевых командиров, которые решат присоединиться к мирному процессу. Талибы не ответили на предложение А. Гани о немедленном мире, то есть не пошли на сотрудничество. Да и официальный Кабул не разработал план конкретных действий в случае согласия талибов на мирные переговоры.

В этих условиях внешние участники стремятся наладить прямой диалог между правительством в Кабуле и ДТ для того, чтобы повысить уровень взаимопонимания и взаимного доверия между сторонами. Стремление форсировать такого рода переговоры влияет на стратегии всех игроков, вовлечённых в конфликт. Правительство Афганистана демонстрирует готовность к интеграции талибов, согласившись на пересмотр Конституции и рассматривая возможность снятия санкций. Талибы рассматривают переговоры как шанс вернуться во власть. США, уставшие от войны в Афганистане, на которую они тратят около 45 млрд долларов в год[11], готовы принять лидеров ДТ в качестве законных представителей части афганского общества. Россия, Пакистан и Китай признают допустимость включения талибов в новое афганское правительство при условии, что это принесёт мир и снизит напряжённость в регионе. Более того, для Исламабада начало мирных переговоров может предоставить шанс восстановить отношения с США.

Продвижение по пути урегулирования для каждого из участников процесса затрудняется сохраняющимися рисками на фоне неопределённости выгод от эвентуального сотрудничества. Например, правительство в Кабуле вынуждено учитывать вероятность потерять и без того невысокий авторитет в глазах местного истеблишмента. Кроме политических рисков договорённости с талибами, мирное разрешение конфликта предполагает сокращение в будущем международной финансовой помощи, что будет слишком чувствительно для элит, привыкших к донорским вливаниям[12]. Для США наличествует риск «застрять» в переговорном процессе, учитывая внутренний раскол и дробление Движения талибов на несколько фракций, каждая из которых будет пытаться реализовать собственные цели. Среди самих талибов попытки достичь договорённости с прежними противниками усиливают центробежные тенденции и внутренние противоречия. Для Исламабада стремление сохранить влияние на ДТ для ограничения присутствия Индии в Афганистане может перевесить преимущества от достижения мира в соседней стране. Решение спорных вопросов возможно лишь при укреплении доверия между всеми заинтересованными сторонами.

Тем не менее по сравнению с более ранними попытками урегулирования конфликт в Афганистане демонстрирует растущую зрелость, так как вовлечённые стороны выказывают готовность идти на большие, чем прежде, уступки. Вместе с тем прогресс в стабилизации ситуации в стране и регионе будет зависеть в том числе от нахождения удачного формата для представления и хотя бы частичного удовлетворения интересов широкого круга вовлечённых игроков.

3

Региональные форматы стали значимым компонентом афганского урегулирования с середины 2000-х годов. На Лондонской конференции 2006 г. и в Национальной стратегии по развитию Афганистана 2008 г. прозвучали идеи усиления регионального

[11] Pentagon: Afghan war costing US $45 billion per year. URL: https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2018/02/07/pentagon-afghan-war-costing-us-45-billion-per-year/ (дата обращения: 15.01.2019).

[12] Brussels Conference on Afghanistan, 4-5 October 2016, partnership for prosperity and peace: communiqué of the participants. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/24271/joint-communique.pdf

сотрудничества как способа достижения мира. Соединённые Штаты к тому времени уже осознали неэффективность исключительно силового подхода к стабилизации ситуации. С приходом к власти в США Б. Обамы был объявлен новый план урегулирования конфликта. Так как он предполагал рассмотрение Афганистана и Пакистана как единого военно-политического пространства, то за ним закрепилось обозначение АфПак. К его реализации предполагалось привлекать не только собственно афганские силы, но и страны региона.

В этой связи автор новой американской стратегии, специальный представитель президента США по Афганистану и Пакистану Ричард Холбрук содействовал запуску Стамбульского процесса. Его целями стали формирование мирной и стабильной обстановки в регионе, а также развитие многостороннего сотрудничества и диалога между Кабулом и его соседями в тесной взаимосвязи с существующими организациями. Стамбульский процесс представлялся механизмом формирования системы региональной безопасности[13]. Его существенное отличие от других региональных форматов с участием Афганистана заключалось в подключении дипломатии второго трека – неправительственных организаций и коммерческих структур.

Американская инициатива была реализована при активном участии Турции и самого Афганистана. Анкаре она предоставила возможность проявить себя в качестве ответственного участника международного сообщества. С приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) Турция стала активным игроком на примиренческом треке. Подтверждением этого выступали её усилия по стабилизации афгано-пакистанских отношений в рамках трёхстороннего формата, начавшего работу в 2007 г. и получившего название Анкарский процесс.

В свою очередь, для Стамбульского процесса точкой отсчёта стала Конференция по безопасности и сотрудничеству в «сердце Азии», состоявшаяся в 2011 году. В мероприятии приняли участие представители Азербайджана, Афганистана, Индии, Ирана, Казахстана, Киргизии, Китая, Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ), Пакистана, России, Саудовской Аравии, Таджикистана, Турции и Узбекистана, а также 17 поддерживающих стран и 12 региональных и международных организаций[14].

В основе Стамбульского процесса лежит Кабульская декларация о добрососедских отношениях 2002 года, которая определила направления работы для обеспечения процветания региона. Среди них: борьба с терроризмом и экстремизмом, уважение территориальной целостности, а также признание принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Документ приветствовал коллективные усилия, направленные на достижение мира и стабильности вАфганистане[15]. В реализации установленных приоритетов проводились ежегодные министерские конференции, устраивались регулярные дипломатические встречи, а также осуществлялась работа структурных подразделений, созданных для планирования, координации и осуществления взаимодействия.

В ходе Стамбульской конференции, прошедшей в ноябре 2011 года, Афганистан был признан важнейшей страной региона «сердце Азии» – мостом, соединяющим Южную Азию, Центральную Азию, Китай и Ближний Восток. В ходе встречи была подчёркнута необходимость обеспечения коллективной безопасности для противодействия угрозам со стороны не-

[13] İstanbul Process on Regional Security and Cooperation for A Secure and Stable Afghanistan, 2 November 2011. URL: http://www.mfa.gov.tr/istanbul-process-on-regional-security-and-cooperation-for-a-secure-and-stable-afghanistan.en.mfa (дата обращения: 22.11.2018).

[14] Our history. URL: https://www.hoa.gov.af/ (дата обращения: 12.12.2017).

[15] Афганистан: Декларация о добрососедских отношениях // United Nations peacemaker. URL: http://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_021222_AfghanistanGoodNeighbourlyRelationsDeclaration%28ru%29.pdf (дата обращения: 17.12.2017).

государственных субъектов: преступных групп, трансграничных торговцев наркотиками и оружием, экстремистских группировок и террористов[16]. Несмотря на то что все участники конференции выразили готовность содействовать процессу национального примирения и реинтеграции при главенствующей роли в нём местных сил, некоторые государства отнеслись с осторожностью к возможному вкладу созываемого формата.

Делегаты от России, Ирана и Пакистана выразили сомнение в необходимости создания ещё одного форума для обсуждения афганской проблематики, который дублировал бы работу на существующих площадках. Пекин и Москва видели в проекте лишь стремление Соединённых Штатов увеличить свой вес в региональных вопросах и одновременно ослабить влияние Шанхайской организации сотрудничества. Тегеран воспринял турецкую инициативу как грубую попытку узаконить присутствие США в Афганистане. Пакистан с неохотой одобрил объединение, в состав которого вошёл его давний соперник – Индия. Диалог с этими странами были весьма напряжённым, что сделало итоговую декларацию конференции крайне размытой [The Heart of Asia – Istanbul Process progress assessment 2011–2015: 11] по содержанию и формулировкам. После проведения первой встречи Кабул и Анкара продолжали консультации с привлечением других стран процесса для определения модальностей будущего сотрудничества[17].

В рамках Стамбульского процесса приоритетным стал вопрос углубления регионального взаимодействия. Это подтверждают и темы ежегодно проводимых министерских конференций. В частности, вторая встреча такого рода в июне 2012 г. в Кабуле была обозначена как «Стамбульский процесс: новая программа регионального сотрудничества»[18]. Темой третьей министерской конференции в апреле 2013 г. в Казахстане стала «Стабильность и процветание в “сердце Азии” через укрепление доверия и общие региональные интересы»[19]. «Углубление сотрудничества в интересах обеспечения устойчивой безопасности и процветания в регионе “сердце Азии”[20] – под таким девизом была организована в Пекине в октябре 2014 г. четвёртая министерская конференция. В декабре 2017 г. в Баку участники Стамбульского процесса в очередной раз подтвердили необходимость повышения доверия и развития сотрудничества между региональными игроками в целях содействия стабильности и процветанию в Афганистане[21]. Мир, партнёрство и процветание стали темой вось-

[16] Istanbul Process on Regional Security and Cooperation for a Secure and Stable Afghanistan // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/istanbul-process-on-regional-security-and-cooperation-for-a-secure-and-stable-afghanistan.en.mfa (дата обращения: 11.01.2018).

[17] Со времени встречи 2011 г. прошло ещё 7 министерских конференций – в июне 2012 г. в Кабуле, в апреле 2013 г. в Казахстане, в октябре 2014 г. в Пекине, в декабре 2015 г. в Исламабаде, в ноябре 2016 г. в Амритсаре, Индия, в декабре 2017 г. в столице Азербайджана, в декабре 2019 г. в Стамбуле.

[18] Istanbul Process: A New Agenda for Regional Cooperation in the ‘Heart of Asia’, ‘Heart of Asia’ Ministerial Conference – Kabul 14 June 2012 Conference Declaration // Heart of Asia-Istanbul Process (HoA). URL: http://hoa.gov.af/files/14.-June-Declaration.pdf (дата обращения: 18.01.2018).

[19] Istanbul Process: Stability and Prosperity in the ‘Heart of Asia’ through Building Confidence and Shared Regional Interests // Ministry of Foreign Affairs of Afghanistan. URL: http://mfa.gov.af/en/news/19668 (дата обращения: 15.02.2018).

[20] Heart of Asia-Istanbul Process: Deepening Cooperation for Sustainable Security and Prosperity of the ‘Heart of Asia’ Region Beijing, China, 31 October 2014 Beijing Declaration // Heart of Asia-Istanbul Process (HoA). URL: http://hoa.gov.af/files/Beijing-Ministerial-Conference-Declaration-31Oct-2014.pdf (дата обращения: 11.03.2018).

[21] President Ghani In HoA – IP 7th Ministerial Conference: “The Need For Regional Cooperation Has Never Been So Greater.”// Office of the President Islamic Republic of Afghanistan. URL: https://president.gov.af/en/analysis/president-ghani-in-hoa-ip-7th-ministerial-conference-the-need-for-regional-cooperation-has-never-been-so-greater/ (дата обращения: 12.06.2018).

мой министерской конференции, прошедшей в декабре 2019 г. в Стамбуле[22].

Взаимодействие требует определения области общих интересов. Для этого в ходе второй министерской конференции в Кабуле были сформированы группы по мерам укрепления доверия. Они охватывают вопросы ликвидации последствий стихийных бедствий (работу на этом направлении возглавляют Казахстан и Пакистан), борьбы с терроризмом (группа под руководством Афганистана, Турции и ОАЭ), противодействия производству и распространению наркотических средств (Азербайджан и Россия), расширения торгово-инвестиционных возможностей (Индия), развития региональной инфраструктуры (Азербайджан и Туркменистан) и улучшения сферы образования (Иран). Для обеспечения совместного претворения в жизнь согласованных мер вовлечённые страны предоставляют технический координационный центр каждого из направлений для участия в региональной технической группе (РТГ).

Всех участников Стамбульского процесса объединяет понимание того, что мир, безопасность и экономическое развитие Афганистана неразрывно взаимосвязаны. В этой связи акцент в работе был сделан на попытках достигнуть политической стабильности в раздираемой войной стране через продвижение межафганского процесса национального примирения. Многосторонний формат служит катализатором содействия трансрегиональным связям Кабула с целью улучшения отношений между Афганистаном, соседними странами и международными организациями.

В частности, участники шестой министерской конференции, проходившей в Индии в 2016 году, подвели итог многолетнего экономического сотрудничества, вылившегося в практическую реализацию проектов в области энергетики и связи. К ним относится, например, претворение в жизнь проекта транзитного коридора Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ). Важным достижением стало завершение первого этапа Азиатского международного железнодорожного коридора между станциями Имамназар (Туркменистан) и Акина (Афганистан). Кроме того, был дан старт многонациональным проектам линий электропередач CASA-1000, энергетического взаимодействия Туркменистан–Узбекистан–Таджикистан–Афганистан–Пакистан (ТУТАП), сотрудничества между Афганистаном, Индией и Ираном по порту Чабахар, пятистороннего железнодорожного коридора, который должен связать Афганистан, Иран, Киргизию, Китай и Таджикистан[23]. Эти инициативы будут способствовать укреплению взаимосвязей между Центральной и Южной Азией.

Одним из значительных экономических достижений можно назвать соглашение о Лазуритовом транзитном коридоре, цель которого – расширение региональной экономической интеграции и установление торговых связей между Азербайджаном, Афганистаном, Грузией, Туркменистаном и Турцией. Сеть автомобильных, железнодорожных, морских и воздушных путей сообщения свяжет афганские города Акина в провинции Фарьяб и Тургунди на западе Герата с морским портом Туркменбаши и далее с Баку, Тбилиси, Поти, Батуми, Карсом и Стамбулом. В дальнейшем этот путь позволит связать Афганистан с транспортной системой Европы. Реализация мультимодального торгового и транспортного проекта поможет устранить торговые барьеры, гармонизировать и унифицировать таможенные законодательства участвующих стран, а также расширить тор-

[22] The Heart of Asia – Istanbul Process – 8th Ministerial Conference | Declaration – Peace, Partnership, Prosperity. URL: https://www.mfa.gov.af/news/1504-the-heart-of-asia-istanbul-process-8th-ministerial-conference-declaration-peace-partnership-prosperity.html (дата обращения: 15.12.2019).

[23] The Heart of Asia – Istanbul Process 6th Ministerial Conference 4 December, 2016 Amritsar Declaration // Heart of Asia-Istanbul Process (HoA). URL: http://hoa.gov.af/files/HoA%206th%20Ministerial%20Declaration%202016.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

говлю между Афганистаном и государствами региона[24].

Отличием Стамбульского процесса от многих других форматов, направленных на урегулирование афганского вопроса, выступают непрерывность деятельности и регулярность проводимых встреч. Он стал площадкой регионального взаимодействия, которую можно считать форумом-долгожителем. Превращение Афганистана в полноценного игрока в региональном экономическом пространстве является одной из целей Стамбульского процесса. Этот тезис признаётся всеми его участниками, выгоден большинству стран, а в достижении этой цели отмечается прогресс.

4

Стамбульский процесс был запущен в тот период, когда ситуация в Афганистане соответствовала состоянию мягкого, стабильного, самоподдерживающегося тупика. Согласно теории У. Зартмана, в этих условиях никакие форматы урегулирования не могут привести к достижению переговорного решения конфликта. В то время как некоторые вовлечённые стороны (в том числе Россия и США) были готовы искать пути выхода из него, для других (Индии, Пакистана и отчасти Китая) консервирование нынешнего положения представляло большую выгоду. Оно позволяло им продолжить достижение собственных целей – в рамках афганского конфликта это прежде всего борьба за лидерство в регионе.

Начиная с 2013 г. отмечается активизация китайской политики в отношении Афганистана[25]. Пекин активно задействует экономические рычаги, инвестируя десятки миллиардов долларов в Пакистан и выстраивая с ним тесные экономические связи[26]. Кроме того, прозвучало заявление о намерении подключить Афганистан к китайско-пакистанскому экономическому коридору в рамках инициативы «Один пояс – один путь»[27]. Китайская посредническая стратегия также предполагает содействие укреплению безопасности и имеет под собой ещё одну цель – подавить растущее доминирование Индии в Южной Азии. Ряд экспертов связывают рост напряжённости в индийско-китайских отношениях в 2017 г. в том числе и с активизацией Пекина на афганском направлении[28]. Китайское руководство не могло игнорировать объявленную в августе того же года обновлённую стратегию США по Афганистану и Южной Азии, включавшую Индию в число партнёров Вашингтона[29]. Обостряющееся американо-китайское экономическое соперничество затрагивает и регион «сердце Азии».

Перечисленные противоречия осложняют разрешение афганского вопроса, так как достижение урегулирования требует консенсуса не только местных игроков, но и посредников. Одной из основных проблем Стамбульского процесса как формата для примирения конфликтующих сторон в Афганистане выступает отсутствие согла-

[24] Открытие афганского участка пути состоялось в декабре 2018 г.

[25] Аналитики связывают повышение интереса китайского руководства к афганскому направлению с возрождением весной 2013 г. проекта АфПак, вызвавшего недовольство Пекина, а также анонсирование проекта «Один пояс – один путь».

[26] China's Xi Jinping agrees $46bn superhighway to Pakistan. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-32377088

[27] China, Pakistan, Afghanistan agree to discuss extending economic corridor. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-12/26/c_136853623.htm (дата обращения: 06.11.2018).

[28] *Кадомцев А.* Геополитическая роль Индии: сложности многовекторной политики // Международная жизнь. 2019. 21 августа. URL: https://interaffairs.ru/news/show/23518 (дата обращения: 06.09.2019); *Наркевский Д.* Китай – Индия: незамеченная встреча глобального масштаба // Российский совет по международным делам. 2018. 4 мая. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-indiya-nezamechennaya-vstrecha-globalnogo-masshtaba/ (дата обращения: 13.09.2019).

[29] Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia // The White House. 2017. 21 August. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/08/21/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-and-south-asia (дата обращения: 12.08.2019).

сованности действий его участников. Многосторонний формат позволил обеспечить формирование консенсуса в декларировании общих вызовов для стран региона. Однако их интерпретация осуществляется исходя из национальных интересов [Quie 2014: 289].

Участники Стамбульского процесса предпринимают попытки соотнести свои интересы в спорах между Индией и Пакистаном, Пакистаном и Афганистаном, Ираном и Саудовской Аравией, США и Ираном [Motwani 2015: 118]. При этом многосторонний формат может служить платформой для диалога с целью выявления точек соприкосновения государств, между которыми традиционно сохраняются разногласия, а также для снижения взаимного недопонимания путём компетентной дискуссии. Стабильность в Афганистане отвечает интересам всех участников процесса. В частности, несмотря на давние противоречия, потребность в углеводородном сырье подталкивает Индию и Пакистан участвовать в совместных энергетических проектах. Для Исламабада особую привлекательность представляет запуск транзитного коридора ТАПИ [Искандаров 2013: 108]. Между тем Нью-Дели в случае реализации соглашений по порту Чабахар получит доступ к центральноазиатским нефтегазовым резервуарам через Афганистан и Иран [The Heart of Asia Process at a Juncture... 2014: 27].

Индия и Иран разделяют обеспокоенность по поводу суннитского исламского экстремизма, будь он афганского или пакистанского происхождения. Тегеран, даже с учетом крайне напряжённых отношений с Вашингтоном, готов пойти на уступки в вопросе долгосрочного присутствия американских войск в Афганистане[30] для решения проблемы безопасности, исходящей от восточного соседа, – распространения наркотиков. Несмотря на разную оценку Ираном и Пакистаном роли Саудовской Аравии в регионе, оба государства готовы искать компромисс в вопросе наркоторговли [Laipson 2012:17]. Для Китая мир в Афганистане необходим для предотвращения уйгурского сепаратизма и стабилизации ситуации в регионе Синьцзян, который приобретает ещё большую значимость в контексте инициативы «Один пояс – один путь».

Несмотря на наличие таких сближающих соображений, политические противоречия соседей Афганистана, иных региональных и внерегиональных игроков вызывают острую полемику в рамках Стамбульского процесса. При этом важнейшее значение для перспектив урегулирования имеет позиция Исламской Республики Пакистан. Отношения Афганистана и Пакистана омрачаются двумя вопросами. *Во-первых*, остаётся нерешённым пограничный вопрос, связанный с «линией Дюранда»[31] [Паничкин 2004: 177]. *Во-вторых*, из Кабула регулярно звучат обвинения в адрес Исламабада в поддержке талибов и предоставлении безопасных убежищ террористам на своей земле[32]. Поводом для споров остаётся и

[30] Вопрос присутствия иностранных войск в ИРА всегда вызывал озабоченность Тегерана. Заместитель министра иностранных дел Ирана по Азиатско-Тихоокеанскому региону А. Аракчи в 2012 г. заявил, что продолжающееся присутствие международных сил безопасности в Афганистане «усугубит экстремистские тенденции в стране и окажет разрушительное воздействие на безопасность в Афганистане».

درک دهاوخ لقتنم مزاب ار اکیرمآ و نانتسغاف نامیپ دروم رد ینارگن ایران

URL: https://www.bbc.com/persian/afghanistan/2012/05/120509_l03_iran_afghanistan_us_treaty.shtml (дата обращения: 15.10.2019).

[31] Линия Дюранда – 2640-километровая граница между Афганистаном и Британской Индией, установленная в 1893 г. по итогам переговоров между эмиром Абдуррахманом и секретарем индийской колониальной администрации Мортимером Дюрандом. В 1949 г. афганские власти приняли решение о денонсации афгано-британских соглашений и о непризнании линии Дюранда.

[32] Taliban are Pakistan ISI backed terrorists, says ex Afghan intelligence head. URL: https://www.indiatoday.in/world/story/taliban-are-pakistan-isi-backed-terrorists-says-ex-afghan-intelligence-head-1370414-2018-10-18 (дата обращения: 11.06.2019).

перспектива массовой репатриации многочисленной общины афганских беженцев, проживающей в Пакистане [Hiegemann 2012]. Кабул не готов к приёму более миллиона мигрантов. Имеют место постоянные упрёки в обстрелах приграничных территорий, закрытие погранпереходов, инкриминирование пакистанским властям причастности к организации терактов на территории Афганистана[33].

Некоторые специалисты связывают надежды на сближение между двумя странами с приходом к власти в Пакистане правительства Имран Хана[34]. Тем не менее официальные лица в Кабуле настолько убеждены в нечестности представителей Исламабада, что визиты высокопоставленных соседей не смогут склонить чашу весов в пользу укрепления контактов[35]. Сами представители афганской стороны не готовы к частым поездкам в Пакистан в связи с непопулярностью таких контактов в глазах общественности[36]. В этой связи показательным выступает появление в местных СМИ сообщений о якобы выказанной А. Гани готовности обсуждать вопрос признания «линии Дюранда» в обмен на привлечение талибов за стол переговоров[37].

Государства не стесняются переносить двусторонние противоречия на мероприятия Стамбульского процесса. Так, в ходе встреч регулярно вспыхивают споры между представителями Индии и Пакистана, зачастую переходящие в открытую перебранку. Подобные случаи негативно отражаются на стабильной работе формата[38]. В этой связи ряд аналитиков даже видят ключ решения афганской проблемы в урегулировании кашмирского конфликта [Rubin, Rashid 2008]. Неспособность делегатов достигать компромиссов на рабочем уровне вынуждает председателей переносить встречи. Взаимное недоверие и постоянные обвинения в адрес друг друга тормозят диалог.

На функционирование Стамбульского процесса негативно влияет и дефицит лидерства. США, быстро осознав, что процесс не принёс оперативной отдачи, ушли от работы в рамках этого формата, сосредоточив внимание сначала на работе ЧКГ, а затем на Кабульском процессе. Турция, выступавшая локомотивом сотрудничества в рамках Стамбульского процесса, начиная с 2016 г. снизила уровень вовлечённости в его работу. Этому также способствовало появление иных, более острых вопросов на её международной повестке дня (например, сирийского конфликта). Геополитические противоречия остаются весомыми и не позволяют игрокам выстроить доверительные отношения на основе сотрудничества. Потребуется приложить дипломатические усилия для укрепления взаимодействия между всеми сторонами и согласования интересов участников афганского конфликта.

* * *

Регион «сердце Азии» рассматривался как единое пространство, объединённое культурными и экономическими связями. Реализация таких представлений без урегулирования конфликта в Афганистане остаётся невозможной. Прошедшие с 2001 г. два десятилетия демонстрируют, что ни международная коалиция, ни официальный Кабул, ни Движение талибов одержать победу насильственным способом не способны. В этой связи намечаются предпо-

[33] Failure of meeting in Oman. Hasht-e Subh. 18.10. 2017.
[34] http://howd.org/index.php/2014-05-06-22-20-55/1737-2018-08-18-09-21-.
خوپ ناتسکاپ د وا نان خارمع
[35] URL: https://www.nunn.asia/63587/ (дата обращения: 28.08.2019).
یزروار هتسال وا یتسان یزیخرا رولخ یلوس د
[36] Из разговора с послом ИРП в Кабуле (апрель 2018 г.).
[37] http://www.afghanpaper.com/nbody.php?id=131161 (дата обращения: 15.08.2019).
اشرف غنی طخ دزوند ار هدرک ملاعم تسا
[38] Из личных наблюдений автора во время проведения мероприятий в рамках Стамбульского процесса.

сылки дозревания конфликта до той стадии, в которой сложившийся тупик будет представляться сторонам всё менее терпимым. Усилия по поиску путей стабилизации ситуации в Афганистане привели к появлению ряда многосторонних форматов, объединяющих множество вовлечённых сторон. Между тем результативным способен оказаться только тот форум, который позволит выработать решение, улучшающее положение всех участников конфликта по сравнению с текущим состоянием дел.

Стамбульский процесс предстаёт одной из наиболее амбициозных попыток налаживания политического диалога между Кабулом и другими региональными игроками для борьбы с трансграничными вызовами и угрозами. Он содействовал реализации ряда экономических проектов, направленных на интеграцию Афганистана в единое региональное рыночное пространство. Вместе с тем различия в видении стран-участниц относительно возможных условий мирного урегулирования ограничивают перспективы реализации заявленных целей Стамбульского процесса. Ввиду сложившейся институциональной инерции он способен воспроизводиться как одна из наиболее представительных площадок региональной координации, но вряд ли будет операционален для разрешения коренных противоречий, определяющих динамику проблемного узла вокруг Афганистана.

Список литературы

Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте // Центральная Азия и Кавказ. Т.16. Вып.3. 2013. С. 96–111.

Ишбулдина К.Р. Межафганское урегулирование: встреча в Кабуле // Азия и Африка сегодня. №5. 2018а. С. 55–57.

Ишбулдина К.Р. Межафганское урегулирование: встреча в Омане // Азия и Африка сегодня. №4. 2018б. С. 59–62.

Коргун В.Г. США в Афганистане: миссия невыполнима? // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. № 3. 2011. С. 106–134.

Паничкин Ю.Н. Пакистано-афганские отношения: истоки конфликтности // Афганистан в начале XXI века. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 176–182.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Azar E. The management of protracted social conflict: theory and cases. Aldershot, Dartmouth, 1990. 157 p.

Azar E. Protracted International Conflicts: Ten Propositions // International Interactions. Vol. 12. No. 1. 1985. P. 59–70.

Dessler D. How to Sort Causes in the Study of Environmental Change and Violent Conflict // PRIO Report. No. 2. 1994. P. 91–112.

Dorronsorro G. The Taliban's Winning Strategy in Afghanistan // Carnegie Endowment for International Peace. 2009. URL : http://carnegieendowment.org/files/taliban_winning_strategy.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Druckman D. Green J. Playing two games: internal negotiations in the Philippines // Elusive Peace: Negotiating an End to Civil Wars. Washington D.C.: Brookings Institution, 1995. P. 299–331.

Evolving Situation in Afghanistan: Role of Major Powers and Regional Countries / ed. Sarah Siddiq Aneel, Zahida Khalid. Islamabad Policy Research Institute, Hanns-Seidel-Stiftung, 2016. 152 p.

Ganguly S., Howenstein N. India-Pakistan Rivalry in Afghanistan // Journal of International Affairs. Vol. 63. No. 1. 2009. P. 127–140.

Ghiasy R., Saeedi M. The Heart of Asia Process at a Juncture: An Analysis of Impediments to Further Progress / Afghan institute for strategic studies. 2014. 68 p. URL : http://cesd.az/new/wp-content/uploads/2014/07/The-Heart-of-Asia-Process-at-a-Juncture.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

*Giustozzi A.*The Taliban Beyond the Pashtuns // The Afghanistan Papers. No. 5. 2010. 16 p. URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/4649~v~The_Taliban_Beyond_the_Pashtuns.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Haass R. Conflicts Unending: The United States and Regional Disputes. Yale University Press, 1990. 192 p.

Hiegemann V. Repatriation of Afghan Refugees in Pakistan: Voluntary? // Oxford Monitor of Forced Migration. Vol. 4. No. 1. 2012. P. 42–45.

Jung D. A Political Economy of Intra-State War: Confronting a Paradox // Shadow Globalization, Ethnic Conflicts, and New Wars: A Political Economy of Intra-State. London: Routledge, 2003. P. 9–26.

Kleiboer M. Understanding Success and Failure of International Mediation // Journal of Conflict Resolution. Vol. 40. No. 2. 1996. P. 360–389. URL: http://www.jstor.org/stable/174357 (дата обращения: 10.01.2020).

Laipson E. Engaging Iran on Afghanistan.Stimson Center. March 2012. 25 p. URL : http://www.stimson.org/images/uploads/research-pdfs/Engaging_Iran_on_Afghanistan.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Mitchell C.R. Cutting Losses: Reflections On Appropriate Timing // Institute for Conflict Analysis and Resolution. George Mason University. Working Paper 9. 1995. URL: http://ebot.gmu.edu/bitstream/handle/1920/10681/SCAR_WP_9.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 10.01.2020).

Motwani N. Afghanistan and transnational war: Interlocking security dilemmas and strategic challenges. UNSW Canberra. 2015. 409 p. URL: http://unsworks.unsw.edu.au/fapi/datastream/unsworks:36830/SOURCE02?view=true (дата обращения: 10.01.2020).

Pruitt D.G. Whither Ripeness Theory? // Institute for Conflict Analysis and Resolution George Mason University. No. 25. 2005. URL: http://ebot.gmu.edu/bitstream/handle/1920/10648/wp_25_pruitt_0.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения:10.01.2020).

Quie M. The Istanbul Process: prospects for regional connectivity in the heart of Asia // Asia Europe Journal. Vol. 12. 2014. P. 285–300.

Rais R. Conflict in Afghanistan: Ethnicity, Religion and Neighbours // Ethnic Studies Report. Vol. XVII. No. 1. 1999. P. 1–11.

Rashid A. Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. Pan Macmillan. 2001. 274 p.

Rubin B.R. Beyond stalemate in Afghanistan // Пути к миру и безопасности. № 1 (52). 2017. P. 244–250. URL : https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2017/01/17Rubin.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Rubin B.R. Regional Issues in the Reconstruction of Afghanistan // World Policy Journal. Vol. 20. No. 1. 2003. P. 31–40.

Rubin B.R., Rashid A. From Great Game to Grand Bargain Ending Chaos in Afghanistan and Pakistan // Foreign Affairs. Vol. 87. No. 6. 2008. P. 30–44. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/64604/barnett-r-rubin-andahmed-rashid/from-great-game-to-grand-bargain (дата обращения: 10.01.2020).

Schetter C. Ethnicity and Political Reconstruction in Afghanistan // ZEF Working Papers Series. No. 3. Bonn. 2005. URL: http://www.zef.de/fileadmin/webfiles/downloads/zef_wp/WP3_Schetter.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Spector B.I. Negotiation Readiness in the Development Context: Adding Capacity to Ripeness // Approaches to Peacebuilding. New York: Palgrave Macmillan, 2002. P. 80–100.

The great game in Asia (1800–1844) / H.W.C. Davis. London: Oxford University Press, 1926. 32 p.

The Heart of Asia – Istanbul Process progress assessment 2011–2015 / Regional Cooperation Directorate. 2016. 24 p.

The Heart of Asia Process at a Juncture: An Analysis of Impediments to Further Progress / R. Ghiasy, M. Saeedi. 2014. 70 p. URL: https://aiss.af/assets/aiss_publication/2878b5fa11c260ddc8e66f75d4787cb8.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Touval S., Zartman W. Introduction: Mediation in theory // International Mediation in Theory and Practice. Westview Press. 1985. P. 7–17.

Waltz K.N. Man, the State and War: a theoretical analysis. Columbia University Press: New York, 1959. 263 p.

Zartman W. Negotiating Internal, Ethnic and Identity Conflicts// International Negotiation Vol. 11. No. 2. June 2006. P. 253–272.

Zartman W. Ripe for Resolution: Conflict and Intervention in Africa (Council on Foreign Relations Book). Oxford University Press. 1985. 260 p.

Zartman W. Ripeness: The Hurting Stalemate and Beyond // International Conflict Resolution After the Cold War. Washington, DC: National Academy Press, 2000. P. 225–250.

Zartman W. Ripening Conflict, Ripe Moment, Formula and Mediation // Perspectives on Negotiation/ eds. D. BenDahmane and J. McDonald. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1986.

Zartman W. The Timing of Peace Initiatives: Hurting Stalemates and Ripe Moments // The Global Review of Ethnopolitics. Vol. 1. No. 1. September 2001. P. 8–18.

Zartman W., Touval S. International mediation: Conflict resolution and power politics // Journal of Social Issues. Vol. 41. No. 2 (Summer 1985). P. 27–45.

Zartman W., Aurik J. Power strategies in de-escalation // Timing the de-escalation of international conflicts. 1991. P. 152–181.

REGIONAL COORDINATION IN CONFLICT RESOLUTION: THE ROLE OF ISTANBUL PROCESS IN STABILIZING AFGHANISTAN

KSENIIA ISHBULDINA
MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

The prolonged Afghan conflict affects the whole region. It has led to growing extremism and terrorism, drug and arms trafficking, Afghanistan-Pakistan border disputes. Forceful response did not bring the desired result. Coalition troops moved under NATO command failed to restore peace in the country. Against this backdrop, increasing attention is paid to the regional approach to the Afghan conflict settlement. Enhanced cooperation and economic integration could help in peace-building process. The Heart of Asia-Istanbul Process (HoA-IP) was launched in 2011 to encourage the Afghan's neighboring countries to ensure security in the region. This mechanism was designed to play a significant role in strengthening interaction between the participating countries, coordinating joint efforts of Kabul and international community towards the regional stability in the "Heart of Asia". The purpose of this article is to assess the international political significance of the HoA-IP in the context of existing theoretical approaches to conflict resolution.

The author uses the Ripe Moments Theory proposed by William Zartman to examine the Afghan conflict, as well as the work of the HoA-IP. Interactions between the regional players, main achievements and weaknesses of the mechanism are discussed. It was stated that cooperation established within the framework of the Istanbul Process enabled the establishment of a platform for coordinating efforts of Afghanistan and its neighbors on security and socio-economic cooperation. The mechanism also contributed to the implementation of a number of significant infrastructure projects. The author concludes that the HoA-IP can be effective if all the engaged countries are ready for an open dialogue and for making a change in the recent status-quo.

Keywords:

Afghanistan; conflict resolution; Istanbul Process; Heart of Asia; ripeness; regional cooperation.

References

Azar E. (1990). *The management of protracted social conflict: theory and cases*. Aldershot, Dartmouth. 157 p.

Azar E. (1985). Protracted International Conflicts: Ten Propositions. *International Interactions*. Vol.12. No.1. P. 59–70.

Dessler D. (1994). *How to Sort Causes in the Study of Environmental Change and Violent Conflict.* PRIO Report. No. 2. P. 91–112.

Dorronsorro G. (2009). *The Taliban's Winning Strategy in Afghanistan*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: http http://carnegieendowment.org/files/taliban_winning_strategy.pdf (accessed: 10.01.2020).

Druckman D., Green J. (1995). Playing two games: internal negotiations in the Philippines. *Elusive Peace: Negotiating an End to Civil Wars*. Washington D.C.: Brookings Institution. P. 299–331.

Aneel S.S., Khalid Z. (eds) (2016). *Evolving Situation in Afghanistan: Role of Major Powers and Regional Countries*. Islamabad Policy Research Institute, Hanns-Seidel-Stiftung. 152 p.

Ganguly S., Howenstein N. (2009). India-Pakistan Rivalry in Afghanistan. *Journal of International Affairs*. Vol. 63. No. 1. P. 127–140.

Ghiasy R., Saeedi M. (2014).The Heart of Asia Process at a Juncture: An Analysis of Impediments to Further Progress. *Afghan institute for strategic studies*. 68 p. URL: http://cesd.az/

new/wp-content/uploads/2014/07/The-Heart-of-Asia-Process-at-a-Juncture.pdf (accessed: 10.01.2020).

Giustozzi A. (2010). The Taliban Beyond the Pashtuns. *The Afghanistan Papers.* No. 5. 16 p. URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/4649~v~The_Taliban_Beyond_the_Pashtuns.pdf (accessed: 10.01.2020).

Haass R. (1990). *Conflicts Unending: The United States and Regional Disputes.* Yale University Press. 192 p.

Hiegemann V. (2012). Repatriation of Afghan Refugees in Pakistan: Voluntary? *Oxford Monitor of Forced Migration.* Vol. 4. No. 1. P. 42–45.

Ishbuldina K.R. (2018a). Mezhafganskoe uregulirovanie: vstrecha v Kabule [Inter-Afghan Settlement: Meeting in Kabul]. *Aziya i Afrika segodnya.* No. 5. P. 55–57.

Ishbuldina K.R. (2018b). Mezhafganskoe uregulirovanie: vstrecha v Omane [Inter-Afghan Settlement: Meeting in Oman]. *Aziya i Afrika segodnya.* No. 4. P. 59–62.

Iskandarov K. (2013). Faktor Pakistana v afganskom konflikte [Pakistan Factor in the Afghan Conflict]. *Central'naya Aziya i Kavkaz.* Vol. 16. No. 3. P. 96–111.

Jung D. (2003). A Political Economy of Intra-State War: Confronting a Paradox. *Shadow Globalization, Ethnic Conflicts, and New Wars: A Political Economy of Intra-State.* London: Routledge. P. 9–26.

Kleiboer M. (1996). Understanding Success and Failure of International Mediation. *Journal of Conflict Resolution.* Vol. 40. No. 2. P. 360–389. URL: http://www.jstor.org/stable/174357 (accessed: 10.01.2020).

Korgun V.G. (2011). SSHA v Afganistane: missiya nevypolnima? [The Unites States in Afghanistan: Mission Impossible?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika.* No. 3. P. 106–134.

Laipson E. (2012). *Engaging Iran on Afghanistan.Stimson Center.* March. 25 p. URL: http://www.stimson.org/images/uploads/research-pdfs/Engaging_Iran_on_Afghanistan.pdf (accessed: 10.01.2020).

Mitchell C.R. (1995). Cutting Losses: Reflections On Appropriate Timing. *Institute for Conflict Analysis and Resolution. George Mason University.* Working Paper 9. URL: http://ebot.gmu.edu/bitstream/handle/1920/10681/SCAR_WP_9.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 10.01.2020).

Motwani N. (2015). *Afghanistan and transnational war: Interlocking security dilemmas and strategic challenges.* UNSW Canberra. 409 p.

Panichkin Yu.N. (2004). Pakistano-afganskie otnosheniya: istoki konfliktnosti [Pakistan-Afghanistan Relations: the Origins of Conflict]. *Afganistan v nachale XXI veka.* M.: IlliBV. P. 176–182.

Pruitt D.G. (2005). Whither Ripeness Theory? *Institute for Conflict Analysis and Resolution George Mason University.* No. 25. URL: http://ebot.gmu.edu/bitstream/handle/1920/10648/wp_25_pruitt_0.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 10.01.2020).

Quie M. (2014). The Istanbul Process: prospects for regional connectivity in the heart of Asia. *Asia Europe Journal.* Vol.12. P. 285–300.

Rais R. (1999). Conflict in Afghanistan: Ethnicity, Religion and Neighbours. *Ethnic Studies Report.* Vol. XVII. No. 1. P. 1–11.

Rashid A. (2001). *Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia.* Pan Macmillan. 274 p.

Rubin B.R. (2017). Beyond stalemate in Afghanistan. *Puti k miru i bezopasnosti.* No. 1 (52). P. 244–250. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2017/01/17Rubin.pdf (accessed: 10.01.2020).

Rubin B.R. (2003). Regional Issues in the Reconstruction of Afghanistan. *World Policy Journal.* Vol. 20. No. 1. P. 31–40.

Rubin B.R., Rashid A. (2008). From Great Game to Grand Bargain Ending Chaos in Afghanistan and Pakistan. *Foreign Affairs.* Vol. 87. No. 6. P. 30–44.

Schetter C. (2005). Ethnicity and Political Reconstruction in Afghanistan. *ZEF Working Papers Series.* No.3. URL: http://www.zef.de/fileadmin/webfiles/downloads/zef_wp/WP3_Schetter.pdf (accesed: 10.01.2020).

Spector B.I. (2002). Negotiation Readiness in the Development Context: Adding Capacity to Ripeness. *Approaches to Peacebuilding.* New York: Palgrave Macmillan. P. 80–100.

The Heart of Asia – Istanbul Process progress assessment 2011–2015. 2016. *Regional Cooperation Directorate.* 24 p.

Sushentsov A.A. (2014). *Malyye voyny SSHA: Politicheskaya strategiya SShA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010-kh godah* [US Small Wars: US Political Strategy for Afghanistan and Iraq's Conflicts in 2000–2010]. M.: ZAO Izdatelstvo "Aspekt Press". 272 p.

Davis H.W.C. (1926). *The great game in Asia* (1800–1844). London: Oxford University Press. 32 p.

Ghiasy R., Saeedi M. (2014). *The Heart of Asia Process at a Juncture: An Analysis of Impediments to Further Progress.* 70 p. URL: https://aiss.af/assets/aiss_publication/2878b5fa11c260ddc8e66f75d4787cb8.pdf (accessed: 10.01.2020).

Touval S. ZartmanW. (1985). Introduction: Mediation in theory. *International Mediation in Theory and Practice*. Westview Press. P. 7–17.

Waltz K.N. (1959). *Man, the State and War: a theoretical analysis.* Columbia University Press: New York. 263 p.

Zartman W. (1985). *Ripe for Resolution: Conflict and Intervention in Africa* (Council on Foreign Relations Book). Oxford: Oxford University Press. 260 p.

Zartman W. (1986). Ripening Conflict, Ripe Moment, Formula and Mediatio. *Perspectives on Negotiation.* Eds. D. Bendahmane and J. McDonald. Washington. DC: U.S. Government Printing Office. P. 205–228.

Zartman W. (2000). Ripeness: The Hurting Stalemate and Beyond. *International Conflict Resolution After the Cold War.* Washington. DC: National Academy Press. P. 225–250.

Zartman W. (2001). The Timing of Peace Initiatives: Hurting Stalemates and Ripe Moments. *The Global Review of Ethnopolitics.* Vol. 1. No. 1. P. 8–18.

Zartman W. (2006). Negotiating Internal, Ethnic and Identity Conflicts. *International Negotiation.* Vol.11. No. 2. P. 253–272.

Zartman W. Aurik J. (1991). Power strategies in de-escalation. In Kriesberg L., Thorson S.J. (eds) *Timing the de-escalation of international conflicts.* Syracuse: Syracuse University Press. P. 152–181.

Zartman W. Touval S. (1985). International mediation: Conflict resolution and power politics. *Journal of Social Issues.* Vol. 41. No. 2. P. 27–45.